

***

Пришла погода – хорошистка,
уверенно, как на экзамены.
В нарядном платье, паршивка.
Ветра по стойке смирно замерли.

Отлично, деточка, отлично!
За солнечность – пятёрка с плюсами.
А туча поймана с поличным,
в костёр – шпаргалки безыскусные.

Довольное сияет небо,
цветными сбрызнуто салютами.
Поставьте мне скорее «неуд»!
Дождя! Дождя! Косого! Лютого!

Чтоб человек в конце аллеи
мечту об очаге лелеял.

***

Ближе к ночи всё такое
мимолётно-золотое,
ветер болен хромотою,
век мой списан за долги...

Сердце стиснуто печалью,
губы солонны молчаньем,
некому сказать: «Останься!
мне остаться помоги...

Прежней – ласковой и милой,
возле жаркого камина,
возле твоего камина
сон глубинный твой беречь.

Просто ворошить поленья,
словно есть ещё мгновенья
не в сырую ночь забвенья,
а с тобою рядом лечь».

***

Время белых цветов миновало
и оранжевых.
Ночевала одна и дневала,
ах, а раньше мы!

Время синих цветов износилось
платьем шёлковым.
Мне одна оставалась милость –
тихо волком выть.

Время поздних цветов зазвенело
фиолетово.
Колокольное стало тело,
словно нет его.

Так легко и светло зазнобило
о несбывшемся...

Было время цветов – я любила,
да и вышла вся.

...и стоят времена пустые,
да печальные.

И встречают снега золотые,
обручальные.

***

Там, где скалы стиснули Аргут,
ветер гор порывист и жесток,
где цветы другие не цветут,
что забыл единственный цветок?

Пятипалый, бледно-голубой,
ты пчелу напрасно не зови.
Я хотел забрать тебя с собой,
я хотел сорвать тебя... Живи!

Над Аргутом, где и я – один,
словно пращур, шкурами согрет,
по снегам блуждаю, невредим,
вижу барса призрачного след.

Этот зов охотничий в крови
для чего бурлит, сбивая страх?
«Я хотел сорвать тебя... Живи!» -
эхом пронеслось на небесах.

***

Может, не надо – чуют дамоклов меч?
Мышцу сердечную хочется поберечь.
Может, не надо взбалтывать укусу вины,
ждать тишины...

Предполагать, как паршиво бывает в конце...
Просто придумать безалкогольный рецепт
от самоедства, печали-тоски, от всего...
Во!

Хрупкое золото плавится разве зря
в тигле железобетонного ноября?
Надо добавить берёзово-ивовый парк,
пару гуляющих пар.

Снега ночного немного поверх черноты,
лёгкий морозец, рябину – для красоты,
заводь озябшую, тронутую ледком,
утро – всё целиком.

Правда ведь, лучше? И лучше – не надо, и луч
зимнего солнца похож на узорчатый ключ
от потайной... а за дверью, в сиянии дня
ты ждёшь меня...

***

Где-то может быть оно не так,
а у нас – рыдать или хрипеть.
Рощиц алюминиевый наждак
стачивает солнечную медь.

Клин железный вбили журавли
ангельским войскам – в хрустальный щит.
В головокружительной дали
горизонта трещина трещит.

***

Буря вращает наждак песка.
Наружу - дворов потроха.
Одно задыхание да у виска
черёмуховое кха-кха!

Пена цветенья летит, густа,
обмылками веток шурша.
Позвони мне, пожалуйста,
солнечная душа!

***

Бежать от чужой гениальности —
всех книжек не перечесть!
От близости и от дальности
бежать от ужаса
в шесть...
от ужина
прочь на улицу...
Не застегивается пальтецо!
Зубами рвануть пуговицу
как гранаты кольцо.

***

Мёртвый голубь. Скрюченные лапки.
Крючкотворство в небе правит бал.
Осень бьёт мечтателя по шапке,
чтобы о высоком не мечтал.

Чёрная вода дошла до горла,
город встал на цыпочки, притих...
Хочется дышать — а ночь прогоркла,
вся в огнях рекламок и шутих.

Хочется жить вечно и красиво!
Но не получается пока.
А внизу рычит от счастья псина,
и несёт щенятам голубка.

***

Кто-то в четыре утра
снегу шепнул: «Пора!»
Рытвины, колеи
чёрные – обели!

Лёд засыпай сырой,
сам же не спи, герой,
а с четырёх до восьми
власть над землёй возьми.

Поездом просвисти...
Угомонись в горсти.
Кто-то... и с плеч гора, –
мне прошептал: «Пора».